

Хотя она скакала быстро и преодолела двухдневный путь менее чем за восемнадцать часов, Сигальда не смогла приблизиться к замку на обратном пути на север. В нескольких милях отсюда ее встретили два десятка мятежных всадников, которые принесли ей послание, запечатанное королевской печатью и подписанное рукой ее матери, королевы Корделии.

Моя дочь Сигальда,

Замок Цвай пал, и повстанцы контролируют внутреннее святилище. Принц и другие придворные находятся в заложниках в ожидании вашего сотрудничества. Ты должна сдать Альсансам всадникам на стене и мирно отправиться в замок, где мы тебя ждем. Я пишу это сообщение под страхом смерти, если ты не придешь, и на низком языке, чтобы всадники, которые несут его, могли прочитать его и знать, что в его содержании нет никакого обмана.

Пожалуйста, прислушайтесь ко мне. Вместе мы еще можем найти решение этих событий, которое сохранит наш образ жизни.

Королева Корделия Цвей IX

Поскольку почерк был верным, а восковая печать - правильной, у нее не было причин сомневаться в том, что его мать находится под контролем мятежников, и она с чувством потери позволила людям в плащах и капюшонах на своих темных конях забрать Альсансама и завернуть его в кожаную пелену для перевозки обратно в замок. На протяжении оставшихся миль она ехала между ними, двенадцать всадников впереди и двенадцать позади, все с копьями и арбалетами наготове, если она отклонится от курса.

То, что Сигальда видела по пути, шокировало и ужасало ее. Многие лежали мертвыми на мощеных улицах столицы, повстанцы бегали туда-сюда, грабя величественные дома, которые становились все более богато украшенными по мере приближения к центру города. Многие из армии Цвай сражались и погибли, но многие, похоже, дезертировали и присоединились к повстанцам, возможно, во исполнение давнего плана, обещавшего новые земли и титулы в новой аристократии, или какого-то другого соглашения. Они также занимались мародерством, даженося на своих табардах символ Белого Льва, и от этого зрелища Сигальде стало плохо. Она слышала крики из переулков, когда банды головорезов в плащах и капюшонах насиловали перемещенных дворянок, некоторые становились жертвами в собственных домах. В одном месте дюжина или более женщин были собраны на площади, раздеты и оплеваны своими бывшими кабальеро и слугами, которые долго трудились на их благо за небольшие деньги. В общении между этими двумя группами чувствовалась черная, гниющая ненависть, низменная и мстительная, что заставило Сигальду содрогнуться. Неужели низкорожденные действительно ненавидят их... ненавидят ее... так сильно? Ее мысли вернулись к проститутке, которая пыталась отнять у нее глаз.

Вокруг замка все было менее хаотично, но более зловеще. Мятежники с кинжалами и румяные копыеносцы заняли сторожевые посты там, где когда-то стояли закованные в белые доспехи рыцари Цвай, и настороженно наблюдали за тем, как она проходит мимо, жуя и плюя на землю, оглядываясь на нее, словно дикие псы на раненую птицу. Время от времени она видела тело лакея или рыцаря, которого она узнавала, - он лежал в собственной крови, окруженный людьми с каменными лицами, которые не выказывали ей ничего, кроме презрения. А тронный

зал, ее конечный пункт назначения, был хуже всего.

На троне, где когда-то перед смертью сидел ее отец, восседал заросший щетиной грубиян с косым выражением лица и ликом убийцы. Его одежда была простой и непригодной для этой должности: простая рубашка расстегнута, открывая румяную грудь, на поясе - алый кушак, в который были воткнуты два кинжала. Его сапоги были покрыты коркой засохшей грязи, и все же этот проклятый счел нужным поставить одну ногу на тронную подушку, как жеребец, уходящий в отставку. Рядом с ним сидела ее мать, королева Корделия, со слезами на щеках. Она была одета в струящееся белое платье с низким разрезом спереди, как это было принято при дворе. Хотя Сигальду часто дразнили ее подчиненные и слуги (и мифологизировали в массах) за большую грудь, именно ее мать обладала самым огромным набором груди в семье - каждая из них была больше мужской головы и имела безупречную форму. Корделия была известна своей благотворительностью и заботливой рукой, которой она брала на руки даже самых несчастных представителей благородного сословия, и этот образ плодотворной матери, казалось, отражался в ее внешности.

<http://erolate.com/book/3855/104539>